

Грег Джонсон

Размышления о Сореле

Оригинал: Greg Johnson. Reflections on Sorel

Источник: <https://counter-currents.com/2022/07/reflections-on-sorel/>

Перевод с английского, 2022 г. На русском языке публикуется впервые!

Жорж Сорель

Примечание: это эссе связано с новым изданием «Размышлений о насилии» Сореля в Imperium Press, которое обязательно нужно прочесть.

Подобно Джеку Лондону, Жорж Сорель (1847–1922) был левым автором, основное влияние которого сегодня приходится на правых. Самая влиятельная книга Сореля – «Размышления о насилии», написанная в 1905–1906 годах. «Размышления о насилии» – вводящее в заблуждение название, которое сам Сорель стремится определить точнее.

Сорель хочет защитить пролетарское насилие в форме забастовок и, в конечном счете, свержение капитализма через «всеобщую забастовку». Но Сорель уверяет нас, что пролетарское насилие каким-то образом будет благородным и чистым, а не чудовищным, как государственный терроризм Французской революции, в котором Сорель обвиняет буржуазию и живучесть идей, вытекающих из абсолютной монархии.

Сорель различает «силу», идущую сверху, и пролетарское «насилие», исходящее снизу. Но пролетарское насилие действительно будет насильственным. Сорель сравнивает его с гомеровскими войнами, вендеттами и толпами линчевателей. Тем не менее Сорель уверяет нас, что пролетариат самоорганизуется в автономные рабочие советы, а не будет бороться, как буржуазия, за контроль над полномочиями государства в области принуждения. Пролетариат будет свободен от зависти, обиды и ненависти, даже если такие мотивы и бросались в глаза со стороны левых, как тогда, так и теперь. Пролетариат также будет сдерживать честь и великодушие, даже если эти ценности исходят от старой аристократии, а пролетариат стремится к полному уничтожению буржуазии. В свете последующей истории марксизма Сорель кажется полным бредом.

Так почему же мы тогда должны серьезно относиться к Сорелю как к политическому мыслителю? Потому что основные элементы его мысли более пригодны для правых, чем для левых. В «Размышлениях о насилии» Сорель уделяет внимание не столько насилию, сколько тому, что я буду называть воинственностью, под которой я подразумеваю осознание вражды. Как сказал Карл Шмитт, политика возникает из вражды, разделения между друзьями и врагами, особенно между коллективными друзьями и врагами, то есть между *нами* и *ими*. Вражда не всегда насильственна, но всегда потенциально насильственна, что придает вражде моральную серьезность.

Необязательно осознавать враждебность. Например, кто-то может считать вас врагом, не объявляя об этом. Кто-то может считать вас врагом и активно работать, чтобы навредить вам, в то время как вы продолжаете прекраснодушно протягивать руку дружбы. Также возможно, что две группы имеют конфликтующие интересы – что является объективной основой вражды – без их ведома об этом. При этом имеет смысл различать объективную и субъективную составляющие вражды.

Когда кто-то полностью осознает враждебность и отвечает на нее взаимностью, он становится воинственным: враждебным, воинственным, конфликтным, агрессивным, конфронтационным, свирепым, драчливым и т. д. Все эти термины относятся к готовности и склонности к борьбе, даже если в реальности насилия никогда не происходит. Воинственность также означает нежелание идти на компромисс или примириться со своими врагами. Воинствующие активисты всегда в боевой готовности, будь то война горячая или холодная.

Поскольку такие активисты не склонны к миру и компромиссу, то конфронтация неизбежна, но она не обязательно должна быть насильственной, ибо их враги всегда могут капитулировать. Но отступление и сдача не вариант для воинствующего активиста. Таким образом, окончательное сведение счетов активист всегда воспринимает как победу. Это явно нерациональное убеждение.

Нельзя знать будущее и предсказать его с уверенностью. Вместо этого активист верит в окончательную победу своего дела.

Сорель считал себя марксистом, но едва ли он был марксистом ортодоксальным. Сорель был независимым и эклектичным мыслителем, на которого оказали влияние Вико, Паскаль, Ницше, Бергсон, Ренан и Уильям Джеймс. Сорель был гуманистом, волюнтаристом, иррационалистом и пессимистом. Он отвергал идею прогресса. Он был защитником патриархальной семьи и воинских добродетелей. Ни одна из этих идей не согласуется с марксистским материализмом.

Но «Размышления о насилии» основаны на марксистской концепции классовой борьбы, которая, по мнению Маркса, будет усиливаться до тех пор, пока пролетарская революция не свергнет буржуазию. Однако Сореля беспокоил упадок классовой борьбы в его время. Он считал, что объективно буржуазия и пролетариат все еще враги. Но субъективно говоря, осознание этой вражды заглушалось буржуазным реформизмом и социал-демократическим прагматизмом, чему способствовали апелляции к идеям, объединяющим классы, таким как христианство, либерализм и национализм. Цель Сореля состояла в том, чтобы вернуть революцию в нужное русло, восстановив пролетарскую воинственность. (Конечно, идея о том, что классовая борьба может быть усилена или ослаблена идеологией, является полной инверсией ортодоксального марксизма.)

В «Размышлениях о насилии» Сорель обращается к социалистам своего времени. Он стремится восстановить пролетарскую воинственность двумя способами. Во-первых, он подвергает социал-демократических соглашателей резкой критике. Сорель – талантливый писатель, и эта полемика часто бывает забавной. Во-вторых, он стремится прояснить природу пролетарской воинственности. Когда Сорель говорит об «этике насилия» или «этике производителей», он не приводит моральных аргументов или принципов. Вместо этого он говорит о мотивах героической или возвышенной борьбы за пролетарское дело. Он говорит не столько о морали, сколько о *моральном духе*, конкретно о корпоративном духе, командном духе. Для Сореля конечным мотивирующим принципом политической группы является «миф». Для пролетариата это миф о «всеобщей забастовке».

Лучшим примером политического мифа у Сореля является христианство. Христианство исходит из глубокого разделения и вражды между добром и злом, Богом и сатаной. Их поле битвы – этот мир и каждая душа в нем. Каждая победа верующих истолковывается как торжество Бога. Каждое препятствие или неудача интерпретируются как работа дьявола. Верующие могут пострадать. Нечестивые могут процветать. Но верные Богу в конце концов победят. Бог на их стороне. Христос вернется. Сатана будет низвергнута. Каждый, наконец, получит то, что заслуживает.

В этом мифе есть два основных элемента: абсолютная вражда и окончательная победа. Абсолютная вражда означает: вражда при любых условиях. Абсолютный враг это тот, с кем не может быть мира, только поражение или победа. Абсолютная вражда делит нас на враждебные группы и препятствует примирению с врагом как злу. Окончательная победа делает компромисс ненужным. Этот миф поддерживал христианскую воинственность почти две тысячи лет.

Сорель надеялся, что миф о всеобщей забастовке может сотворить те же чудеса. Идея абсолютной классовой вражды заставляет рабочих отвергать всякую попытку их задобрить. Вера в окончательную победу через всеобщую забастовку делает компромиссы излишними.

Если белые националисты собираются мобилизовать и поддерживать воинственность, необходимую для победы, нам тоже понадобится миф. Есть ли у нас абсолютный враг? Если да, то кто это? Верим ли мы в окончательную победу? Если да, то что ее поддерживает? Если нет, то как мы ее достигнем? Что такое миф белых националистов?

Как этнонационалист, я считаю, что белые могут сосуществовать со всеми народами при условии, что у каждого из нас есть собственная родина. Единственные люди, с которыми мы не можем сосуществовать, – это те, кто отрицает этнонационалистический принцип, т. е. империалисты и глобалисты, желающие властвовать над другими народами. С ними невозможен никакой компромисс или сосуществование.

Какие видения окончательной победы поддерживают нас в нашей борьбе? В октябре 1922 года Бенито Муссолини заявил:

Мы создали миф. Этот миф – вера, благородный энтузиазм. Ему не нужно быть реальностью, это стремление и надежда, вера и мужество. Наш миф – это нация, великая нация, которую мы хотим превратить в конкретную реальность для нас самих.

Это было всего через несколько месяцев после смерти Сореля, накануне Похода на Рим и прихода Муссолини к власти. Во многих отношениях миф белых националистов является продолжением муссолиниевского мифа о нации, вновь ставшей великой. Сегодня белые во всем мире являются людьми без гражданства, потому что наши родные земли были захвачены глобалистами, которые подвергают нас медленному геноциду замещения. Нашим избавлением станет создание или воссоздание белых родин или этногосударств. Таким образом, Майкл О'Мира превозносил «белую республику» как чисто сорелевский миф.

Сионизм – прекрасный пример политического мифа в сорелевском смысле. Между евреями и неевреями существует абсолютная вражда, основанная в конечном счете на том, что Ян Ассманн называет «моисеевым различием»: на

идее, что еврейский бог – единственный истинный бог; все остальные ложны. История еврейской диаспоры – это длинная летопись преследований, реальных и вымышленных, от которых евреи могут быть избавлены путем создания суверенной родины. Таким образом, многие белые националисты сознательно моделируют наше движение по образцу сионизма. Например, Уильям Пирс говорил о «Белом Сионе».

Этногосударство – это образ того, что мы создадим после нашей победы. Но что же насчет самой победы? Как мы победим?

Одним из описаний победы является «белая забастовка». Только белые делают возможной западную цивилизацию. Небелые зависят от нас. Тем не менее, в нынешней системе белые угнетаются, осуждаются и должны быть заменены теми самыми людьми, которые зависят от нас. Это совершенно нежизнеспособно и абсурдно: если бы паразиты добились своего, они бы погибли вместе с нами. Таким образом, весь фарс закончился бы довольно быстро, если бы белые просто бастовали. Наши враги не могут даже уничтожить нас без нашей помощи. Белая забастовка парализовала бы антибелый режим, позволив нам свергнуть и заменить его.

Белая забастовка, конечно, напоминает всеобщую забастовку Сореля, но основной моделью является роман Айн Рэнд «Атлант расправил плечи», первоначально называвшийся «Забастовка», в котором производители, поддерживающие мир, бастуют против социалистов, которые угнетают их и зависят от них. «Атлант расправил плечи» призывает к расистской интерпретации, поскольку белая раса – это Атлант, который держит современный мир на наших плечах, даже когда на нас нападают как на угнетателей и эксплуататоров.

Белая забастовка – это форма более широкого мифа, который имеет огромное значение для нашего движения: «коллапс». В настоящее время наше движение слишком слабо, чтобы надеяться свергнуть антибелую систему. Коллапс – это идея о том, что нынешняя система настолько не соответствует реальности, что ее невозможно поддерживать. В конце концов она рухнет, и когда это произойдет, белые смогут взять власть и установить защищающий белых людей режим.

Миф о коллапсе гармонирует с другим мифом, который имеет большую силу среди белых националистов: миф о цикличности времени. Эта идея существует в двух формах: традиционалистской и эволюционистской. Обе школы считают, что в начале истории человек жил в золотом веке в гармонии с природой. Со временем человек отстает от природы. В конце концов, наше отчуждение от природы становится настолько радикальным, что цивилизация рухнет. Затем природа вновь заявляет о себе, порождая новую цивилизацию, которая претерпевает тот же процесс упадка и падения.

Традиционалисты, такие как Рене Генон и Юлиус Эвола, считают, что золотой век характеризуется интуитивным знанием глубочайших истин. Эволюционную версию этого мифа предлагают Джамбаттиста Вико и Освальд Шпенглер, которые считают, что первобытный человек жил в гармонии с природой благодаря не абстрактной мудрости, а животной жизненной силе. Цивилизации приходят в упадок и рушатся из-за девитализации, т. е. потери жизненной силы, или упадка.

Идея цикличности истории выглядит оптимистично или пессимистично в зависимости от того, на каком этапе цикла находится человек. Если кто-то находится в золотом веке, перспективы мрачны. Но если кто-то живет в мерзости темных веков, как верят белые националисты, то избавление близко. Циклический взгляд на историю играет для белых националистов ту же роль, что и прогрессивный взгляд на историю для левых: он поддерживает надежду на окончательную победу, утверждая, что наши усилия поддерживаются историческими силами. Конечно, такой символ веры может привести к самоуспокоенности. Но тех, кто уже склонен к воинственности, подстегивает только убеждение, что исторические силы на их стороне.

Еще один предмет веры, который поддерживает белых националистов, заключается в том, что в определенный момент «пробуждение» белого расового сознания неизбежно и неостановимо. Это не совсем иррациональное убеждение, поскольку люди не могут вечно игнорировать реальность, идеи могут стать вирусными, и как только они достигнут переломного момента, они могут быстро стать господствующими.

В рациональном смысле, конечно, нет никакой гарантии, что любой из этих сценариев приведет к победе. Белые могут никогда не нанести удар. Коллапс неизбежен, но он может наступить так медленно, что белые почти перестанут существовать. Более того, если произойдет коллапс, нет никакой гарантии, что его заменит более совершенная система. Возрождения цивилизации после ее краха может и не быть. Белое пробуждение может никогда не произойти. Но такие соображения не имеют значения, когда имеешь дело с настоящим политическим мифом. Разум не может дать нам уверенности в будущем, тогда как мифы – это иррациональная уверенность в будущем, догматы веры и видения победы, которые могут поддержать нас в долгой борьбе.

Помимо их полезности, еще одна вещь, которая рекомендует эти мифы, заключается в том, что белые националисты действительно верят в них. Вы можете придумать лучшие мифы, если сможете. Но одно дело придумать историю, другое дело, когда люди в нее действительно верят.

Сорель различает утопии, представляющие собой интеллектуальные конструкции, и мифы, якобы возникающие спонтанно. Но это может быть столь же ложным, как и его различие между силой и насилием. Сорель признает,

что христианские рассказы о гонениях в Риме были сильно преувеличены, т. е. в основном выдуманы. Может ли политический миф быть полностью вымышленным? Может быть, мифы – всего лишь утопии, авторство которых затерялось в глубине веков. Если это так, то, вероятно, можно создать политический миф белых националистов полностью с нуля. Еще раз: важно то, верят ли люди в этот миф. Но поскольку мы говорим об иррациональных убеждениях, если миф достаточно привлекателен, что может помешать людям поверить в него? Мы не узнаем, возможно ли это, пока не попробуем.

Библиотека Велесова Слобода, 2022 г.